

Поль открыл глаза и понял, что падает.

Нет — не падает.

Будто чья-то рука подхватила его из глубин сновидения, швырнула сквозь слой за слоем грёз и наконец шмякнула о твёрдую земную твердь.

Поль долго лежал на земле.

Камни впивались в спину, острые осколки впивались в кожу.

Но боль была благом.

Боль означала, что он жив, что всё это не сон, что нечто, заключившее с ним сделку в глубинах лавы, реально — кем бы оно ни было.

Над головой по-прежнему клубилось серое небо.

Вдалеке клубились дым и туман Горы Хэйлун, тускло-красный свет отражался от нижней кромки облаков, придавая миру зловещий оттенок.

Но это зловещее зрелище больше его не пугало.

Тот, кто побывал в бездне поглубже, уже не страшится её тени.

Поль приподнялся и огляделся.

Подножье горы.

Это было подножье Горы Хэйлун: стоило ему повернуться, и открывался вид на лагерь рабов при рудниках.

Те низкие хижины, те струйки поднимающегося дыма, те копошащиеся фигурки у края карьера, похожие на муравьев.

А в этот момент уже звонил колокол, призывая живых к началу нового трудового дня.

Он опустил взгляд на свою левую ногу.

Под разорванной штаниной виднелся тёмный шрам; хотя рана давно затянулась, её узор напоминал застывшую лаву.

Не сон.

Он снова закатал рукав и обнаружил, что на внутренней стороне правой руки тихонько притаилась татуировка в виде глаза.

Золотой зрачок, черный вертикальный разрез — этот глаз тоже смотрел на него.

Поль опустил рукав и поднялся на ноги, как вдруг почувствовал лёгкий зуд в груди.

Он распахнул одежду и увидел, что прямо на коже запечатлелось что-то твёрдое и ледяное.

Та самая чёрная чешуйка.

Размером с ладонь, она вросла в плоть и кровь, словно росла там от самого рождения.

Поль попытался поддеть её пальцем, и из груди тут же разлило пронзительной болью.

Не сон.

Поль опустился на колени и тяжело задышал.

Затем раздался тот самый голос.

— Забыл сказать тебе пару вещей.

Он резко вскинул голову и огляделся, но у подножия горы не было ни души — лишь камни да далёкий лагерь рабов.

— Не ищи. Я у тебя в голове. Или, вернее, в той татуировке на твоём глазу.

Поль опустил взгляд на свою руку: золотой зрачок слегка сузился, словно вглядываясь в него.

— Тот глаз — через него ты можешь один раз позвать меня на помощь. Только один раз.

— В первый раз я помогу тебе.

— Во второй раз, если позовешь меня на помощь, я снова приду. Но остаток твоей жизни сократится ровно вдвое. Сколько бы лет тебе ни было отмерено, половина исчезнет.

— В третий раз действует то же правило. Половина от половины... К тому времени от твоей жизни, боюсь, останется лишь один скелет.

В этом голосе слышался холодной смехок.

— Так что хорошенько думай, когда решишь воспользоваться. Действительно ли оно того стоит. Действительно ли ты на краю гибели. Не зови меня по всякой пустяковой херне, я тебе не сторожевой пёс.

— Что до чешуйки...

— Это защита. Не в смысле неуязвимости — ты по-прежнему человек, из плоти и крови. Тебя проткнут — потечет кровь, тебя зарубят — умрешь. Но она защитит тебя от кое-ких вещей. Нечисти. Проклятий. Злобных взглядов вроде чёрной магии. От всего того, что прячется в темноте и невидимо для тебя, она тебя прикроет.

Рука Поля легла на грудь.

Хотя между ладонью и кожей была одежда, чешуйка слегка теплилась, словно отзываясь на его прикосновение.

Затем голос умолк.

Поль ждал очень, очень долго, вплоть до того момента, когда собрался возвращаться в лагерь рабов.

Он вдруг вспомнил одну вещь: он ведь вернулся с пустыми руками.

Эта мысль пришла не бурно, а медленно просочилась вдоль позвоночника.

Он смотрел на далёкие низкие хижины лагеря рабов, на те струйки дыма, на копошащихся у края карьера людей — Поль смотрел на всё это, но, казалось, ничего не видел.

Он ведь отправился в горы ради сокровищ.

Он обещал семье, что вернётся с достаточным количеством денег, чтобы выкупить их из этого места.

Теперь Поль вернулся.

С чешуйкой, вросшей в плоть, с моргающей на коже татуировкой и с шансом позвать на помощь, который можно использовать лишь раз.

Но разве за это дают деньги?

Поль опустил взгляд на свои руки.

Под ногтями и между пальцами чернела ввевшаяся вулканическая пыль. Его руки были совершенно пусты, в них не было веса даже для одной медной монетки.

Вдалеке кто-то кричал.

Наверное, надсмотрщик снова пустил в ход кнуты — этот звук долетел сквозь горный ветер, резкий и далёкий.

Он мог спросить еще раз.

Но тот голос говорил — первый раз даром, второй — минус половина жизни.

В этот момент нога Поля обо что-то споткнулась.

Он опустил взгляд —

Камень?

Золотистый, размером с кулак, он тихонько лежал посреди сероватой щебёнки.

Поль присел на корточки и поднял его, и от одного лишь веса его запястье оттянулось вниз.

Самородок-дурман.

Поль видел такой на рудниках лишь однажды: некий раб откопал кусок размером с ногтей, но в тот же день его забрали, и с тех пор того бедолагу никто больше не видел.

А этот был размером с кулак.

Поль не произнес ни слова, лишь крепко прижал к себе это золото, а затем повернулся и

зашагал в сторону лагеря рабов.

А там, в глубине раскаленной лавы, некое существо, запечатанное на протяжении десятков тысяч лет, одиноко парило перед гигантской головой дракона.

Гидодора никуда не ушел.

Он просто завис там и через зеркальную гладь наблюдал за тем, как Поль удаляется.

Вот только в его золото-расплавленных глазах читалось какое-то странное выражение.

— ABC.

Пробормотал он сам себе.

— И надо же мне было предложить Рабу-Хворостинке выбрать ABC.

Он покачал головой, то ли насмехаясь над собой, то ли смакуя нечто странное.

Но веселье продолжалось недолго.

Потому что раздался другой голос.

— Ты теряешь время.

Этот голос прозвучал из самых глубин его разума.

Не извне, а изнутри — от той огромной спящей драконьей головы, от тех растерзанных и запечатанных на тысячелетия останков.

Это было его прежнее тело, его прежняя божественная суть, его прежнее всё.

Оно еще не умерло.

И оно не умрёт: до тех пор, пока жив его дух, оно будет существовать, нашептывая ему в голове.

Каждый день, каждый миг, каждую секунду.

— Ты играешь в игры с букашками. Ты учишь их алфавиту АВС. Ты осыпаешь их милостями. Ты —

— То, что я делаю, тебя не касается, — прервал его Гидодора.

Голос на мгновение замолк.

— Я — это ты.

— Нет.

— Я — это то, каким ты был прежде. Твой истинный облик. То, кем ты должен быть.

— Посмотри на себя. Чем ты занят? Ты разговариваешь с рабом-хвостинкой. Ты одариваешь его своей милостью. Ты ждешь, что его потомки придут спасти тебя. Ты —

— Я жду того, кто составит мне компанию в разговоре, — ответил Гидодора.

Голос издал холодный смешок.

Этот смех задрожал в прозрачной лаве, заставляя золотые искорки затрепетать.

— Составит компанию в разговоре? Ты — бог. Тебе не нужны собеседники. Ты вечен. Их жизни мимолетны как вспышка. Их радости и горести не имеют никакого значения. Сегодня они живы, завтра мертвы. Послезавтра никто уже не вспомнит их имен. А через три дня даже следы их существования развеет ветер. Зачем тебе говорить с подобными существами?

Гидодора не ответил.

— Знаешь что? Ты размяк. Тебя слишком долго держали взаперти. Слишком долго. Одиночество сводит тебя с ума. Ты начал жаждать общества этих букашек. Ты находишь их игры забавными. Ты начинаешь —

— Их игры действительно забавны.

Голос оборвался на полуслове.

Гидодора повернулся, обратившись лицом к огромной драконьей голове — к тем глазам, которые были точь-в-точь как его собственные, только в бесчисленное множество раз больше.

— А ты знаешь, что такое забава? — спросил он.

Голос молчал.

— Ты не знаешь.

Уголки губ Гидодоры слегка приподнялись. В этом выражении сквозило нечто сродни вызову.

— Потому что ты никогда не знал, что такое игра. Ты не ведаешь бессмысленной радости. Ты не знаешь, каково это — веселиться просто ради веселья. Ты понятия не имеешь, что такое АВС.

Голос продолжал молчать.

— Тебе ведома лишь цель. Каждая вещь должна иметь смысл. Каждое действие должно вести к какому-то результату. Каждая мелочь должна приносить пользу. Но люди не такие. Люди делают то, что не имеет никакой пользы, но приносит им радость.

Гидодора парил там, лицом к лицу со своей гигантской головой, со своим прошлым обликом.

— Вот почему я использую АВС. Только так я могу помнить — помнить, что когда-то я тоже был человеком.

Голос умолк.

Надолго.

А затем зазвучал снова.

Только на этот раз в нем промелькнуло нечто неуловимое — то ли растерянность, то ли любопытство, то ли то самое чувство, что впервые пробудилось после тысяч лет заточения.

— Человек... это кто?

Гидодора улыбнулся.

Он повернулся и снова устремил взгляд туда, где скрылся Поль — на мужчину, который сейчас, спотыкаясь, шагал навстречу своей неведомой судьбе.

— Хочешь узнать? — тихо произнес он.

— Тогда просто смотри.

<http://bllate.org/book/19072/1873298>